

ЕСТЬ воспоминания, которые бывают сильнее реальности. Так вспоминается мне Федор Иванович Шаляпин — большой, щедрый талант, способный не только на сцене, но и в жизни зажигать людей своим особым огнем жизнелюбия, красоты, тяги к прекрасному.

Я была молоденькой девушкой — ученицей и актрисой Второй студии Московского Художественного театра, — когда впервые увидела великого артиста близко, а затем и познакомилась с ним. Дочь Шаляпина, Ирина Федоровна, училась вместе со мной в студии. Мы дружили. И однажды на студенческий спектакль, в котором Ирина Шаляпина заменила заболевшую Ольгу Пыжову в роли несчастной девушки по кличке Колибри, пришел Федор Иванович. Я играла в той постановке содержательницу «веселого дома». Роль была нелегкой. Волновалась я на каждом спектакле постоянно, а узнав, что сам Шаляпин находится в зрительном зале, едва поборолла страх: авторитет Федора Ивановича для всех нас, молодых, был высшим.

На спектаклях нашей студии всегда были аншлаги. Но в тот день собралась, что называется, «вся Москва» — множество театральные деятели. Узнали, что будет Шаляпин, и поспешили прийти.

Двери в нашем помещении были низковатые, и помню, что Федор Иванович, проходя за кулисы, ударился о притолоку: он был большого роста и, казалось, не помещался в малых комнатах особняка в бывшем Милютинском переулке. Он и на больших сценах занимал много места. Нам показалось, что Федор Иванович расстроен спектаклем. Но он подошел ко мне и сказал:

— Вы играете свою фрау Фриче по-моemu.

Эта похвала принесла мне ни с чем не сравнимую радость. К дочери он отнесся строже — заявил, что у него есть замечания...

Удивительным свойством обладал этот могучий человек: он мог бы даже ничего не говорить, ничего не делать — просто стоять и смотреть на вас, а вы ощущали себя зачарованной его лучистыми светлыми глазами, сильными чертами лица, уверенной и красивой пластикой. Все в нем выдавало талантливость: каждый взгляд и каждый жест.

Вторая моя встреча с Федором Ивановичем произошла в день открытия Студии имени Шаляпина. Гостей было много. И стоял на столе большущий самовар. Мы вознамерились пить чай из этого самовара, но секретарь Федора Ивановича заметил:

— Чай этот не для вас. Его заваривал сам Федор Иванович.

Мы готовы были обидеться, но вскоре выяснилось: в самоваре был коньяк для гостей, а нам, молоденьким, такой «чай» пить не полагалось.

Под утро мы с Ириной Федоровной провожали Шаляпина домой. Он был весел, много шутил, и я почти потеряла ощущение трепета перед ним — воцарились отношения простые и добрые. Так шли мы, а на Арбатской площади повстречалась нам старушка, которая направлялась в булочную, в дом, что еще до недавних лет стоял в центре площади. Федор Иванович вдруг таинственно предложил:

— Хотите, напугаю старушку?

Ирина Федоровна, зная, что шутка не может быть злой, согласилась:

— Напугай...

Федор Иванович был в меховой дохе, отчего казался еще выше ростом и крупнее. Внезапно у нас на глазах он стал маленьким, вровень со старушкой и так пошел ей на-

Б. КУСТОДИЕВ. «Ф. Шаляпин», 1922 г.

ВЕЧНЫЙ ЛУЧ ГЕНИЯ

Анастасия ЗУЕВА, народная артистка СССР

встречу. Затем стал расти и превратился в гиганта. Старушка остолбенела. Рассердилась. Потом узнала Шаляпина. А я залюбовалась великим актером — его жизнерадостным темпераментом, светлым мальчишеством, которое редко удается сохранить людям зрелого возраста и положения, куда менее значительного, чем шаляпинское...

Вскоре я увидела и услышала его на сцене, в опере «Юдифь». Он исполнял одну из своих коронных партий — Олоферна. Незнаваемо смуглый, с глазами, которые казались угольно-черными и сверкающими почти нечеловеческим огнем, испепеляющий в любви, нежный и жестокий, в трагические моменты взрывающийся воображение зрителей почти физически. Его свободный голос делал с нами чудеса, сверкал тысячами тембровых оттенков. Его дикция была непревзойденной. Изумительный актер, он мог самого бездарного зрителя превратить на какое-то время в талантливого, что же говорить о певцах и хористах, которые его окружали на сцене!

Рассказывали, что те, кому не удавалось попасть на спектакли с участием Шаляпина, часто оставались на улице, подле театра, и все равно им удавалось его услышать: мощный голос проникал сквозь каменные стены.

Художник в каждом своем проявлении, Федор Иванович Шаляпин оказал решительное влияние на целое поколение актеров. Его искусство ставили в пример наши великие учителя — К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко. По нему равнялись в своих лучших сценических созданиях крупнейшие артисты эпохи.

Идут годы. Вот уже и сто лет прошло со дня рождения великого русского певца. Но годы не властны над гением такого масштаба — его лучи проникают в нынешний день, как при жизни его голос проникал сквозь каменные стены оперных театров всего мира.

И живет на земле среди нас Федор Иванович Шаляпин — не только большой певец и актер, но и высокоодаренный график, живописец, скульптор — великий пример разностороннего развития творческой природы человека.

Страна широко отметила 100-летие со дня рождения Ф. И. Шаляпина. Торжественный концерт состоялся 13 февраля в Большом театре СССР. Слово о творчестве Ф. И. Шаляпина произнес председатель юбилейной комиссии главный режиссер ГАБТа народный артист СССР Б. Покровский.

Великому артисту были посвящены вечера в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева. Председательствовала Н. Кончаловская. Со вступительным словом выступил музыковед И. Бэлза.